

шемь. Поэтому и отношение польских партий к Польскому было определено. На правом фланге сеймы находятся монархический христианско-национальный клуб. До майских событий представители его, д-р Домбровский и др. Странский были окресточными противниками Польского. Нынешний же клуб выразил готовность поддержать начинания власти и призывает польское общество к созданию «лагеря реальной политики». Центральная группировка: христианская демократия, национальная рабочая партия и крестьянская партия «Наша» всей душой, искренно, неизменно Польского, реального политического значения в существующей обстановке иметь не может. Полную поддержку правительству востребует лишь в двух партиях: радикальской крестьянском «Взызваний» и в малочисленной фракции труда. Отношение социали-

Через пять лет.

Затянувшиеся годы эмиграции заставили нас — увы! — откладывать даты в историю русского изгнанничества. Ровно пятнадцать назад, в октябрь и ноябрь 1921 года, первые значительные группы русских студентов увидели перед собой светлую точку, которая загоралась перед ними в Праге. До этого момента, таинственной точкой было только Королевство Сербия, Хорватия и Словенец, которому принадлежал первый и потому особенно ценный лежал в дьбе помочь русским беженцам.

Но вот явились новые возможности: усиленные чехословаки друзей, энергии русских академических и общественных деятелей открыли русской молодежи и представителям русской интеллигенции вообще новую обитаемую землю.

Мы отчетливо помним эти первые группы русской молодежи, которых в порядке планомерного съединения, по частям и впоследствии, иногда без виз и разрешений, потянулись в Прагу. Многих эта мысль о Праге, о возможности вырваться из дескассированного состояния, в котором многие оказались в Турции, спасла от гибели и самоубийственного конца.

И Прага не обманула ожиданий русской молодежи. Тысячи русских студентов, только что вырвавшихся из опалающего очага гражданской войны, начали быстро оправливаться. Не прошло и некоторое время, как аудитории чехословакских высших школ и созданных в Праге русских образовательных учреждений, среди них и высших, стали заполняться русской молодежью.

Весь бывший в это время в Праге, конечно, помнил эти первые месяцы русского организационного строительства в новых условиях. Это были настоящие весны в безпрецедентной до того времени жизни, значительной части русских, раже бывших в Турции и некоторых других местах.

Самая возможность одеть определенное платье, жить по чистому помыслу, в культурных условиях был для многих самым неизбежным чудесным превращением. Трудно было возвращаться к учебной работе, но постепенно возстановлялась и трудовая энергия, и воля к систематической, напряженной работе.

Все малоопробованные, в начале помысленных богадельн (т. и. Худобинца) можно было видеть энергичную фигуру

стов к правительству двоякственно: с одной стороны, говорить главный союзь польской социалистической партии, нельзя сознаться, что правительство ведет реальную и борьбу за политику, с другой — нельзя не признаться, что оно изгнано из армии и государственных учреждений сторонников правых партий, а потому... польские социалисты правительства не поддерживали, но не мешают членам своей партии, д-р Морачевскому занимать по нему должность министра общественных работ и заставить с одним столом с министром юстиции, монархистом Мойнтовичем. Эта двойственность польских социалистов в вопросе о их отношении к правительству Польского является результатом знаменательного процесса, происходящего в польской социалистической движении.

—

главного spiritus rector's русской акции проф. А. С. Ломакова, не терявшего среди первых, казавшихся неодолимыми трудностями. С спокойствием инженера, смотрящего на ход намеченному сырого материала в уверенности, что общими усилиями начатое здание будет построено, А. С. Ломаков руководил первыми шагами задуманной большой работы.

Покойный П. И. Новгородцев, в сотрудничестве с цылью рядом испытанных, академических, дьяконов, принял на себя весь типографии в формах порядка и права новых условий русского академического существования.

Покойный П. И. Новгородцев, в сотрудничестве с цылью рядом испытанных, академических, дьяконов, принял на себя весь типографии в формах порядка и права новых условий русского академического существования.

О Праге узнали и в России, и польский ряд академических дьяконов, бывших в зоне террора, а впоследствии и изгнанников из России, направились в главной своей части в Прагу.

Были дни радости и печали. На скромном кладбище в Страшнице нашел себе постыдный пристыд И. Новгородцев, скончавшийся совершенно исключительно по напряженности работ, которая выпала на его долю. Но былью хрестом того же кладбища читаем мы имена академика Андрушкова, проф. Ястребова, академика Кондратова, проф. Садовского и ряда других имён. Еще более былью была жертва смерти среди молодежи, среди которой многие погибли от последствий понесенных ими во время войны ранений или от алохахотки.

Но работа продолжалась, до постепенного времени все расширялась и углублялась. Крохотные высшие юридической русской школы, были созданы русский педагогический институт, русский кооперативный институт и многочисленные технические курсы. Съезды национальной широтой начали свою работу русской библиотеки издательства, народный университет, возникли специальные русские периодические печати. На руки съездов, дьяконов начали работать русские учеными общества, институты, съезды, союзы, конференции ученых, общественные, студенческие. Развивала свою плодотворную деятельность Чешско-русская единица.

И если мы на этом поставим точку, то не потому, что исчерпали все формы и виды культурной работы, а только потому, что для полного изображения недостаточно небольшой газетной статьи.

Теперь мы присоединяемся при ликвидации этого великого дела, которое, мы уверены, навсегда останется в благодарной

В новом выпуске «Воли России» напечатано письмо из России того же автора, который в прошлом номере журнала писалось письмо, обратившее на себя внимание, о чудовищном росте антисемитизма на советских верхах. Нынешнее письмо, столь же интересное, посыпано

той части интеллигенти, которая душа своей большевиков не продаёт, к ней не приложилась, за границу не бежала, «героически» протеста не заявляла, а забывшись в мельчайших пороках московского и вообще городского организма, живет в тусклой повседневности, поглощаясь археологией, историей искусства, и старинами и

ни на один миг своего дѣла не забывает, только ему духовно служить. К своему дѣлу относится какъ къ святыни бѣдѣ.

Справившая этихъ людей съ героническими протестующими, которыхъ они являются родными братьями, авторъ письма утверждаетъ, что эта «силы» вдохновляетъ глубокий вѣрой въ будущее Россіи.

Это — вѣра глубокая и нѣтъ, разбивающая въ особую ронь Россіи, въ ее соборы пути въ ея возможности, нравственно болѣе богатыя, тѣмъ на съѣздѣ, въ ея, Россіи, геніальное будущее. При чёмъ материальные цѣнности отходятъ на второй планъ передъ духовными.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Этотъ лозунгъ въ такой же мѣрѣ неприменимъ, какъ и советскій режимъ. Эта интеллигенти съ беззаѣтными самопожертвованіемъ работаютъ на пользу будущей Россіи. Здѣсь

не хотѣть ни какую цѣну возврашавшіеся въ старомъ.

Къ старому, однако, относится и лозунгъ выкидывающаго «Дни»

назадъ къ марта 17-го года.

Этотъ лозунгъ въ такой же мѣрѣ неприменимъ, какъ и советскій режимъ. Эта интеллигенти съ беззаѣтными самопожертвованіемъ работаютъ на пользу будущей Россіи. Здѣсь

не хотѣть ни какую цѣну возврашавшіеся въ старомъ.

Хотѣлось бы вѣрить, однако, что не всѣ очаги русской культурной работы въ Чехословакии погаснутъ и что частичная ликвидация будетъ протекать въ формахъ той бедрежности и внимательности, которая до сихъ поръ, въ видѣ изрѣвилія, опредѣляла отношение русофильскихъ круговъ Чехословакии къ тому начинанію, которое призвано называть русской акціей.

Ал. Макеевъ.

Неудача Горькаго.

Максимъ Горький не разъ уже удивлялъ миръ своимъ болѣе чѣмъ безтаинными выдачами. До сихъ поръ, однако, ему все благополучно сходило съ руки и это, очевидно, его раззадоривало. Такъ онъ и дошелъ до выражения своего собственаніи съ советской власти по случаю утраты ею прекрасного человѣка, безконечно всѣмъ доро-

гутъ страдающей туберкулезомъ, со самоутвержденіемъ въ рѣшившій:

Не уходитъ, иначе посадятъ коммунистъ.

Другой занимавшійся свободной профессіей и живущій подъ огромными дубовыми столомъ, служащимъ другому письменному... подъ столомъ онъ и спитъ.

Вотъ интеллигентъ живущий въ парижскомъ ходѣ чужой квартиры, безъ окна, въ темнотѣ, годами.

Эта интеллигенти страстью работаетъ, увлекающаяся археологіей, исторіей искусства, и старинами и

ни на одинъ мигъ своего дѣла не забываетъ, только ему духовно служить. Къ своему дѣлу относится какъ къ святыни бѣдѣ.

Справившая этихъ людей съ героническими протестующими, которыхъ они являются родными братьями, авторъ письма утверждаетъ, что эта «силы» вдохновляетъ глубокий вѣрой въ будущее Россіи.

Это — вѣра глубокая и нѣтъ, разбивающая въ особую ронь Россіи, въ ее соборы пути въ ея возможности, нравственно болѣе богатыя, тѣмъ на съѣздѣ, въ ея, Россіи, геніальное будущее. При чёмъ материальные цѣнности отходятъ на второй планъ передъ духовными.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Поступившіе перепечатать это письмо «Дни» высказываютъ свое полное сочувствие съюзникамъ, но хотятъ ихъ увѣритъ, вопросъ здравому смыслу, что призываютъ къ марте 17-го года.

Физиология спорта.

Сильнейшие напряжения. На нихъ видимъ силы, которые оказываютъ наподобие длительныхъ и чрезвычайно сильныхъ выдачами. До сихъ поръ, однако, ему все благополучно сходило съ руки и это, очевидно, его раззадоривало. Такъ онъ и дошелъ до выражения своего собственаніи съ советской власти по случаю утраты ею прекрасного человѣка, безконечно всѣмъ доро-

гутъ въ 2 кв. метра: поверхность легкихъ равна 150 кв. метрамъ. Эти сильнейшие выдачами даютъ возможность определить значение подъема работоспособности легкихъ, обусловленной систематическимъ физическимъ и другими видами спорта, основанного на движении.

Работоспособность легкихъ измѣряется реостатомъ, т. е. посредствомъ него опредѣляется количество вдыхаемаго и выдыхаемаго воздуха въ единицу времени. Эти измѣрения предполагаютъ собою наилучший видъ контроля надъ дѣйствиемъ легкихъ, верхушка и ихъ «привѣтствіе» чрезвычайно полезно: чѣмъ лучше это способно противодействовать вѣтру, темъ лучше.

Въ результате тѣлесныхъ упражнений бросается въ глаза развитіе мускулатуры. Однако важнѣе — развитіе быстрыхъ и убийственныхъ движений. Въ зданіи спорта и гимнастикѣ на вѣтъ, чтобы получить мышцы, а также и атлета, — тѣло, которое не можетъ устоять передъ вѣтромъ, необходимо противодействовать вѣтру, чтобы не споткнуться о камень.

Въ результате тѣлесныхъ упражнений бросается въ глаза развитие мускулатуры. Однако важнѣе — развитіе быстрыхъ и убийственныхъ движений. Въ зданіи спорта и гимнастикѣ на вѣтъ, чтобы получить мышцы, а также и атлета, — тѣло, которое не можетъ устоять передъ вѣтромъ, необходимо противодействовать вѣтру, чтобы не споткнуться о камень.

Въ результате тѣлесныхъ упражнений бросается въ глаза развитие мускулатуры. Однако важнѣе — развитіе быстрыхъ и убийственныхъ движений. Въ зданіи спорта и гимнастикѣ на вѣтъ, чтобы получить мышцы, а также и атлета, — тѣло, которое не можетъ устоять передъ вѣтромъ, необходимо противодействовать вѣтру, чтобы не споткнуться о камень.

Въ результате тѣлесныхъ упражнений бросается въ глаза развитие мускулатуры. Однако важнѣе — развитіе быстрыхъ и убийственныхъ движений. Въ зданіи спорта и гимнастикѣ на вѣтъ, чтобы получить мышцы, а также и атлета, — тѣло, которое не можетъ устоять передъ вѣтромъ, необходимо противодействовать вѣтру, чтобы не споткнуться о камень.

Въ результате тѣлесныхъ упражнений бросается въ глаза развитие мускулатуры. Однако важнѣе — развитіе быстрыхъ и убийственныхъ движений. Въ зданіи спорта и гимнастикѣ на вѣтъ, чтобы получить мышцы, а также и атлета, — тѣло, которое не можетъ устоять передъ вѣтромъ, необходимо противодействовать вѣтру, чтобы не споткнуться о камень.

Въ результате тѣлесныхъ упражнений бросается въ глаза развитие мускулатуры. Однако важнѣе — развитіе быстрыхъ и убийственныхъ движений. Въ зданіи спорта и гимнастикѣ на вѣтъ, чтобы получить мышцы, а также и атлета, — тѣло, которое не можетъ устоять передъ вѣтромъ, необходимо противодействовать вѣтру, чтобы не споткнуться о камень.

Въ Берлинѣ.

Черновое торжество въ Берлинѣ.

Въ минувшую субботу православные русскіе люди, оставившись въ канонитском послушаніи своему Архипастору Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Евлогію имѣли рѣдкое счастье присутствовать при освященіи нового помѣстительной коммюнії на Гарденбергѣ улице № 10 разностными трудами о. П. Савицкаго и благочестивых прихожанъ въ теченіи одной недѣли были превращены въ чистую домовую церковь. Еще задолго до начала богослуженія въ храмѣ начали прибывать группы прихожанъ со свечками и пакетами въ рукахъ — посыпанными дарами Дому Божію. Въ присоединеніи какъ бы парадомъ настроений идутъ послѣдній притоговленій къ великолѣкому торжеству канонического Православія.

Торопливо забиваются послѣдніе гвозди, вѣшается образа и лампады, расстилаются ковры...

Въ полномѣтровомъ шестого часа начиняется чинъ малаго освященія храма. (Большой — оставляется до приѣзда въ Берлинѣ Владыки Митрополитѣ Евлогія). Отецъ Наставитель протоіерей Г. Прозоровъ съ причтомъ обходить все помѣщеніе храма и окроплять его святымъ водой. А вслѣдъ за тѣмъ приступаютъ къ совершенію всеобщаго бдѣнія. Церкви были наполнены вѣрующими, которые, проходя мимо столика Ктитора, оставляютъ тамъ свои подпись на двухъ адресахъ о. Протоіерѣя. Послѣ окончанія богослуженія о. прот. Прозоровъ произнесъ краткое слово, въ коемъ призываѣтъ паству къ благоговѣнію и входитъ подъ сѣнь этого храма, а уходитъ изъ него съ душой привѣтной, всепроникающей, полной любви къ ближнему своему.

На слѣдующій день, въ воскресенье, въ новомъ этомъ храмѣ было совершено первое Божественное Литургіе. Церкви были переполнены молящимися. Прекрасно, съ исключительнымъ душевнымъ проникновеніемъ пѣть соединеніе хоръ любителей и квартета г. А. В. Васильева. Послѣ заупокойной молитвы о. Настоятель скажетъ пропущенное слово, до глубины души растрогавшее молящихся. Всѣльѣ за этии сен. А. Б. Бельгіадомъ были отписаны покрытые многочисленными подписьми привѣтственныхъ адреса обомѣ о. Протоіерѣя. Тронуты этии выраженіемъ любви и преданности своей пастыри, о. прот. Прозоровъ снова обратился къ присутствующимъ съ арктическимъ словомъ, вѣзвавшимъ глаза прихожанъ слезы умиленія и радости.

Послѣ окончанія Литургіи, быть отслужить молебень съ провозглашеніемъ многоязычія Мѣстоблюстителя Московскаго Патріаршаго Престола Высокопреосвященному Митрополиту Петру и Митрополиту Загражднинскому Русскихъ Церквей Владыки Евлогію...

Въ Союзѣ Русскихъ Инженеровъ.

Послѣ дѣтинного перерыва въ Союзѣ Русск. Инженеровъ возобновленіе «Техническихъ Средъ», привлекающіе не только членовъ Союза, но и лицъ, интересующихъ болѣйшими успѣхами техники. Первое со-

общеніе на тему «О новыхъ способахъ сжиганія малоѣмкаго топлива» было спѣкано профессоромъ И. В. Арбатскимъ. Слѣдующая бесѣда, вступленію къ которой сдѣладъ инн. Б. А. Руслевъ, была посвящена вопросу о «Современномъ положеніи опытной утилизации эстонскихъ сланцевъ».

Опередѣлъ «середа» состоится 27-го октября въ 8½ час. веч. въ помѣщеніи ресторана «Мюнхенъ» Левенбрѣй (Виктори-Луизенштр. 9) и будетъ посвящено заслушанію сообщеній инн. В. А. Бурга о «современномъ состояніи германскаго народнаго хозяйства». Въ дальнѣйшемъ называться бесѣда: 10—11 октября — на тему «Электротелевидѣи устанакъ и аккумуляторъ Рута», вступленію къ которой сдѣлаетъ инн. А. А. Ценкеръ, и 24-го ноября — на тему «Проблема восстановленія русскаго хлопководства», вступленію къ которой будетъ сдѣлано док. Русскаго Научнаго Института А. М. Мельникъ.

Входъ въ эти собрания свободный для всѣхъ членовъ Союза и рекомендованыхъ ими гостей.

Хроника.

Въ минувшую субботу въ Берлинѣ впервые было проведено прощеніе полицейскаго часа во всѣхъ рѣшетчатыхъ ресторанахъ, кабарѣ и дамскіхъ. Большинство этихъ учрежденій было переполнено. Однако, веселившая публика была подъ конецъ жестоко разочарована, тѣкъ какъ берлинскіе пути еще совершенно не приспособлены къ новому полицейскому часу. Изъ трамвайныхъ работало только 7 линій. Багоны трамвая и автобусы были невѣроятно переполнены. Въ нихъ происходили неописуемые сцены. На остановкахъ толпа аттаковала вагоны и автобусы, пытаясь за нихъ съ опасностью для жизни. Хорошо заработали таксометры.

— Въ среду, 27-го октября, въ Шубертъ-залѣ (Бюловштрассе 104) состоялось докладъ быв. офиц. русск. армии П. Оконова. Тезисы: 1. Монархизмъ и его величие. 2. Республика, ее значение и последствія. 3. Большевизмъ и его отношение къ культурѣ, цивилизациѣ и религіи. 4. Отношеніе российско-европейской массы къ монархіи. Плата за входъ взималась лишь по покрытии расходовъ.

— Во вторникъ въ 5 часовъ въ нѣмецко-русскомъ ресторанѣ «Жарь-Птица» — Лютерштрассе 2 — состоится собрание художниковъ по поводу устройства традиционнаго бала.

— Открылся новый участокъ подземной железнодорожной дороги Ноллendorфплац — Курфюрстенштрассе — Глейдердейкъ.

«Мозаика»

— 28 октября русский художественный ансамблъ «Мозаика» даѣтъ въ Цапотскомъ городскомъ театрѣ свою оторвѣную гастроль. Въ постановкѣ будутъ отрывки изъ оперы «Борисъ Годуновъ» и «Царская невѣста» съ участіемъ Далинн-Давидсонъ, на дняхъ уѣзжающей въ Америку, куда она ангажирована въ оперу.

Кромѣ вокальной части будутъ поставлены «Лебединая пѣснь поэта», «Вѣнчаніе» и др. Слова и постановка режиссера Караваеваго при участіи известной въ Далинн-Гейтѣ примо-балерины Маріи Старосты.

Марина Веневцева*)

(Окончаніе).

Николай очень обрадовался, что я это такъ легко приняла, и стала горячо меня уговаривать, и даже сказала, что мы будемъ жить, вѣрѣться съ нимъ, это намъ помѣшаетъ. Было поздно. Я простила съ нимъ и стала уходить, и вдругъ на стѣлѣ, рядомъ съ гильзами и мѣшочками съ дробью, я увидѣла чёрный хороший браунингъ. Я даже не могу сказать, почему я сунула этотъ браунингъ сюда, въ эту сумочку. Я ничего не замыслила, уѣхала просто, вѣроятнѣй всего потому, что вто въ одну эту секунду я успѣла подумать, а что же будешь завтра со мной? Развѣ я могу жить? И я ушла и унесла его съ собой. Весь слѣдующій день я провела съ мамой и никакъ не выходила. Мы очень много говорили о Валентинѣ, который все еще сидѣлъ въ тюрьмѣ, и объ Олегѣ, который никуда не хотѣлъ учиться и пытался быть безпринципными мальчишками. Мамѣ я сказала, что скып кинематографа попала на вечерницу, и легла спать. На другой день я никуда не пошла, сидѣла дома, а потому вышла на крыльцо и сѣла на ступеньки. День былъ осенний, прохладный и золотой, и высоко въ небѣ летѣли гуси на югъ. Около меня сѣли двое безпринципныхъ ребятъ, Сенька и Миколка, они оба были какъ репейники, я часто давала имъ хлѣбъ или деньги, и они терпѣлись вѣзти въ нашій домъ и дружили со мной и съ Олегомъ. Мы смотрѣли гусей въ слѣдъ, и Миколка сказалъ мнѣ со вздохомъ:

— Возьмѣ меня въ сыновья, Марина...

Я глядѣла на небо и покачала головой, и онъ сказалъ мнѣ еще отчаянно:

— Возьмѣ меня въ сыновья, пропшу тебѣ, скучно мнѣ безъ мамки, и зима подходитъ.

Но я качала головой и сказала: — Не geh' же я въ матері.., пошли себѣ другую, — и мнѣ хотѣлось умереть отъ тоски и жалости, которыхъ обуровили меня. Лохматый птичка просилась мнѣ въ сыновья. Вотъ такъ улетѣли гуси. Я не думала о томъ, что подозрѣніе можетъ настѣнъ на Вѣрну Гейнѣлло, и была спокойна. Я была спокойна спокойна, и меня не волновали всѣ толки. Но разъ мы менѣ вымыли всѣ толки. И вотъ я съ мамой не обманывала, а только сѣдала мнѣ дѣвьё предложеніе. Но во мнѣ была такая ненависть къ нему, что я боялась потерять изъ нея хотя бы чистоту, и я рѣшила прити къ нему въ номеръ, поглядѣть въ его гнусные глаза и убить его, какъ гадину. Онь ядалъ меня въ номерѣ и очень обрадовался мнѣ. Я сѣла съ нимъ рядомъ за столъ и сказала ему, что я все рѣшила и что я буду жить съ нимъ, но онъ очень дешево меняѣтъ, и я сѣо никакъ не меньше, чѣмъ пять тысячъ, а то и больше. Я сѣла съ стола его жена. Она сѣла хлопать себѣ по бокамъ и сѣмѣть, а тѣкъ сердечно говорила ей обмѣнѣ, точно мы торговались, и тогда я достала изъ сумочки подъ платкомъ револьверъ и выстрѣлила ему два раза въ потѣніе лобъ. Все это произошло страшно быстро, я ничего не успѣла сообразить, что я дѣлаю, комната вдругъ словно разнесла, а она осталась сидѣть въ креслѣ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ никто не услышалъ выстрѣловъ, они были страшно громкіе, точно дронготину весь домъ. Я вышла изъ номера, спустилась внизъ, чтобы сказать, что я убила Наума Блюмера, но я не встрѣтила ни одного человѣка. Тогда я открыла дверь и ушла такъ же, какъ и пришла. Меня никто не видѣлъ. И вдругъ я стала думать, какъ сдѣлать такъ, чтобы скрыть всѣ слѣды. О томъ, что я пошѣ къ Блюмеру, знала только Николай, и я у него взяла револьверъ. Если онъ его еще не хватился, я приду къ нему

*) См. «Руль» №№ 1788, 1789, 1790, 1791, 1792, 1793.

и скажу, что я раздумала ити къ Блюмеру, что нѣтъ никакихъ гарантій, и осторожно подсуну ему револьверъ назадъ. Такъ я и сѣѣла. Я пришла къ нему и сказала, что раздумала настѣнъ Блюмера, и положила револьверъ обратно на столъ. Мы посидѣли и пили чай, и у меня хватило еще мужества оставаться съ нимъ дальше, какъ будто ничего между нами не произошло. Мамѣ я сказала, что по скып кинематографа попала на вечерницу,

и легла спать. На другой день я никуда не пошла, сидѣла дома, а потому вышла на крыльцо и сѣла на ступеньки. День былъ осенний, прохладный и золотой, и высоко въ небѣ летѣли гуси на югъ. Около меня сѣли двое безпринципныхъ ребятъ, Сенька и Миколка, они оба были какъ репейники, я часто давала имъ хлѣбъ или деньги, и они терпѣлись вѣзти въ нашій домъ и дружили со мной и съ Олегомъ. Мы смотрѣли гусей въ слѣдъ, и Миколка сказалъ мнѣ со вздохомъ:

— Возьмѣ меня въ сыновья, Марина...

Я глядѣла на небо и покачала головой, и онъ сказалъ мнѣ еще отчаянно:

— Возьмѣ меня въ сыновья, пропшу тебѣ, скучно мнѣ безъ мамки, и зима подходитъ.

Но я качала головой и сказала: — Не geh' же я въ матері.., пошли себѣ другую, — и мнѣ хотѣлось умереть отъ тоски и жалости, которыхъ обуровили меня. Лохматый птичка просилась мнѣ въ сыновья. Вотъ такъ улетѣли гуси. Я не думала о томъ, что подозрѣніе можетъ настѣнъ на Вѣрну Гейнѣлло, и была спокойна. Я была спокойна спокойна, и меня не волновали всѣ толки. Но разъ мы менѣ вымыли всѣ толки. И вотъ я съ мамой не обманывала, а только сѣдала мнѣ дѣвьё предложеніе, — и я сѣла съ стола его жена. Она сѣла хлопать себѣ по бокамъ и сѣмѣть, а тѣкъ сердечно говорила ей обмѣнѣ, точно мы торговались, и тогда я достала изъ сумочки подъ платкомъ револьверъ и выстрѣлила ему два раза въ потѣніе лобъ. Все это произошло страшно быстро, я ничего не успѣла сообразить, что я дѣлаю, комната вдругъ словно разнесла, а она осталась сидѣть въ креслѣ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ никто не услышалъ выстрѣловъ, они были страшно громкіе, точно дронготину весь домъ. Я вышла изъ номера, спустилась внизъ, чтобы сказать, что я убила Наума Блюмера, но я не встрѣтила ни одного человѣка. Тогда я открыла дверь и ушла такъ же, какъ и пришла. Меня никто не видѣлъ. И вдругъ я стала думать, какъ сдѣлать такъ, чтобы скрыть всѣ слѣды. О томъ, что я пошѣ къ Блюмеру, знала только Николай, и я у него взяла револьверъ. Если онъ его еще не хватился, я приду къ нему

и скажу, что я раздумала ити къ Блюмеру, что нѣтъ никакихъ гарантій, и осторожно подсуну ему револьверъ назадъ. Такъ я и сѣѣла. Я пришла къ нему и сказала, что раздумала настѣнъ Блюмера, и положила револьверъ обратно на столъ. Мы посидѣли и пили чай, и у меня хватило еще мужества оставаться съ нимъ дальше, какъ будто ничего между нами не произошло. Мамѣ я сказала, что по скып кинематографа попала на вечерницу,

и легла спать. На другой день я никуда не пошла, сидѣла дома, а потому вышла на крыльцо и сѣла на ступеньки. День былъ осенний, прохладный и золотой, и высоко въ небѣ летѣли гуси на югъ. Около меня сѣли двое безпринципныхъ ребятъ, Сенька и Миколка, они оба были какъ репейники, я часто давала имъ хлѣбъ или деньги, и они терпѣлись вѣзти въ нашій домъ и дружили со мной и съ Олегомъ. Мы смотрѣли гусей въ слѣдъ, и Миколка сказалъ мнѣ со вздохомъ:

— Возьмѣ меня въ сыновья, Марина...

Я глядѣла на небо и покачала головой, и онъ сказалъ мнѣ еще отчаянно:

— Возьмѣ меня въ сыновья, пропшу тебѣ, скучно мнѣ безъ мамки, и зима подходитъ.

Но я качала головой и сказала: — Не geh' же я въ матері.., пошли себѣ другую, — и мнѣ хотѣлось умереть отъ тоски и жалости, которыхъ обуровили меня. Лохматый птичка просилась мнѣ въ сыновья. Вотъ такъ улетѣли гуси. Я не думала о томъ, что подозрѣніе можетъ настѣнъ на Вѣрну Гейнѣлло, и была спокойна. Я была спокойна спокойна, и меня не волновали всѣ толки. Но разъ мы менѣ вымыли всѣ толки. И вотъ я съ мамой не обманывала, а только сѣдала мнѣ дѣвьё предложеніе, — и я сѣла съ стола его жена. Она сѣла хлопать себѣ по бокамъ и сѣмѣть, а тѣкъ сердечно говорила ей обмѣнѣ, точно мы торговались, и тогда я достала изъ сумочки подъ платкомъ револьверъ и выстрѣлила ему два раза въ потѣніе лобъ. Все это произошло страшно быстро, я ничего не успѣла сообразить, что я дѣлаю, комната вдругъ словно разнесла, а она осталась сидѣть въ креслѣ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ никто не услышалъ выстрѣловъ, они были страшно громкіе, точно дронготину весь домъ. Я вышла изъ номера, спустилась внизъ, чтобы сказать, что я убила Наума Блюмера, но я не встрѣтила ни одного человѣка. Тогда я открыла дверь и ушла такъ же, какъ и пришла. Меня никто не видѣлъ. И вдругъ я стала думать, какъ сдѣлать такъ, чтобы скрыть всѣ слѣды. О томъ, что я пошѣ къ Блюмеру, знала только Николай, и я у него взяла револьверъ. Если онъ его еще не хватился, я приду къ нему

и скажу, что я раздумала ити къ Блюмеру, что нѣтъ никакихъ гарантій, и осторожно подсуну ему револьверъ назадъ. Такъ я и сѣѣла. Я пришла къ нему и сказала, что раздумала настѣнъ Блюмера, и положила револьверъ обратно на столъ. Мы посидѣли и пили чай, и у меня хватило еще мужества оставаться съ нимъ дальше, какъ будто ничего между нами не произошло. Мамѣ я сказала, что по скып кинематографа попала на вечерницу,

и легла спать. На другой день я никуда не пошла, сидѣла дома, а потому вышла на крыльцо и сѣла на ступеньки. День былъ осенний, прохладный и золотой, и высоко въ небѣ летѣли гуси на югъ. Около меня сѣли двое безпринципныхъ ребятъ, Сенька и Миколка, они оба были какъ репейники, я часто давала имъ хлѣбъ или деньги, и они терпѣлись вѣзти въ нашій домъ и дружили со мной и съ Олегомъ. Мы смотрѣли гусей въ слѣдъ, и Миколка сказалъ мнѣ со вздохомъ:

— Возьмѣ меня въ сыновья, Марина...

Я глядѣла на небо и покачала головой, и онъ сказалъ мнѣ еще отчаянно:

— Возьмѣ меня въ сыновья, пропшу тебѣ, скучно мнѣ безъ мамки, и зима подходитъ.

Но я качала головой и сказала: — Не geh' же я въ матері.., пошли себѣ другую, — и мнѣ хотѣлось умереть отъ тоски и жалости, которыхъ обуровили меня. Лохматый птичка просилась мнѣ въ сыновья. Вотъ такъ улетѣли гуси. Я не думала о томъ, что подозрѣніе можетъ настѣнъ на Вѣрну Гейнѣлло, и была спокойна. Я была спокойна спокойна, и меня не волновали всѣ толки. Но разъ мы менѣ вымыли всѣ толки. И вотъ я съ мамой не обманывала, а только сѣдала мнѣ дѣвьё предложеніе, — и я сѣла съ стола его жена. Она сѣла хлопать себѣ по бокамъ и сѣмѣть, а тѣкъ сердечно говорила ей обмѣнѣ, точно мы торговались, и тогда я достала изъ сумочки подъ платкомъ револьверъ и выстрѣлила ему два раза въ потѣніе лобъ. Все это произошло страшно быстро, я ничего не успѣла сообразить, что я дѣлаю, комната вдругъ словно разнесла, а она осталась сидѣть въ креслѣ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ никто не услышалъ выстрѣловъ, они были страшно громкіе, точно дронготину весь домъ. Я вышла изъ номера, спустилась внизъ, чтобы сказать, что я убила Наума Блюмера, но я не встрѣтила ни одного человѣка. Тогда я открыла дверь и ушла такъ же, какъ и пришла. Меня никто не видѣлъ. И вдругъ я стала думать, какъ сдѣлать такъ, чтобы скрыть всѣ слѣды. О томъ, что я пошѣ къ Блюмеру, знала только Николай, и я у него взяла револьверъ. Если онъ его еще не хватился, я приду къ нему

и скажу, что я раздумала ити къ Блюмеру, что нѣтъ никакихъ гарантій, и осторожно подсуну ему револьверъ назадъ. Такъ я и сѣѣла. Я пришла къ нему и сказала, что раздумала настѣнъ Блюмера, и положила револьверъ обратно на столъ. Мы посидѣли и пили чай, и у меня хватило еще мужества оставаться съ нимъ дальше, какъ будто ничего между нами не произошло. Мамѣ я сказала, что по скып кинематографа попала на вечерницу,

и легла спать. На другой день я никуда не пошла, сидѣла дома, а потому вышла на крыльцо и сѣла на ступеньки. День былъ осенний, прохладный и золотой, и высоко въ небѣ летѣли гуси на югъ. Около меня сѣли двое безпринципныхъ ребятъ, Сенька и Миколка, они оба были какъ репейники, я часто давала имъ хлѣбъ или деньги, и они терпѣлись вѣзти въ нашій домъ и дружили со мной и съ Олегомъ. Мы смотрѣли гусей въ слѣдъ, и Миколка сказалъ мнѣ со вздохомъ:

— Возьмѣ меня въ сыновья, Марина...

Я глядѣла на небо и покачала головой, и онъ сказалъ мнѣ еще отчаянно:

— Возьмѣ меня въ сыновья, пропшу тебѣ, скучно мнѣ безъ мамки, и зима подходитъ.

Но я качала головой и сказала: — Не geh' же я въ матері.., пошли себѣ другую, — и мнѣ хотѣлось умереть отъ тоски и жалости, которыхъ обуровили меня. Лохматый птичка просилась мнѣ въ сыновья. Вотъ такъ улетѣли гуси. Я не думала о томъ, что подозрѣніе можетъ настѣнъ на Вѣрну Гейнѣлло, и была спокойна. Я была спокойна спокойна, и меня не волновали всѣ толки. Но разъ мы менѣ вымыли всѣ толки. И вотъ я съ мамой не обманывала, а только сѣдала мнѣ дѣвьё предложеніе, — и я сѣла съ стола его жена. Она сѣла хлопать себѣ по бокамъ и сѣмѣть, а тѣкъ сердечно говорила ей обмѣнѣ, точно мы торговались, и тогда я достала изъ сумочки подъ платкомъ револьверъ и выстрѣлила ему два раза въ потѣніе лобъ. Все это произошло страшно быстро, я ничего не успѣла сообразить, что я дѣлаю, комната вдругъ словно разнесла, а она осталась сидѣть въ креслѣ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ никто не услышалъ выстрѣловъ, они были страшно громкіе, точно дронготину весь домъ. Я вышла изъ номера, спустилась внизъ, чтобы сказать, что я убила Наума Блюмера, но я не встрѣтила ни одного человѣка. Тогда я открыла дверь и ушла такъ же, какъ и пришла. Меня никто не видѣлъ. И вдругъ я стала думать, какъ сдѣлать такъ, чтобы скрыть всѣ слѣды. О томъ, что я пошѣ къ Блюмеру, знала только Николай, и я у него взяла револьверъ. Если онъ его еще не хватился, я приду къ нему

и скажу, что я раздумала ити къ Блюмеру, что нѣтъ никакихъ гарантій, и осторожно подсуну ему револьверъ назадъ. Такъ я и сѣѣла. Я пришла къ нему и сказала, что раздумала настѣнъ Блюмера, и положила револьверъ обратно на столъ. Мы посидѣли и пили чай, и у меня хватило еще мужества оставаться съ нимъ дальше, какъ будто ничего между нами не произошло. Мамѣ я сказала, что по скып кинематографа попала на вечерницу,

и легла спать. На другой день я никуда не пошла, сидѣла дома, а потому вышла на крыльцо и сѣла на ступеньки. День былъ осенний, прохладный и золотой, и высоко въ небѣ летѣли гуси на югъ. Около меня сѣли двое безпринципныхъ ребятъ, Сенька и Миколка, они оба были какъ репейники, я часто давала имъ хлѣбъ или деньги, и они терпѣлись вѣзти въ нашій домъ и дружили со мной и съ Олегомъ. Мы смотрѣли гусей въ слѣдъ, и Миколка сказалъ мнѣ со вздохомъ:

— Возьмѣ меня въ сыновья, Марина...

Я глядѣла на небо и покачала головой, и онъ сказалъ мнѣ еще отчаянно:

— Возьмѣ меня въ сыновья, пропшу тебѣ, скучно мнѣ безъ мамки, и зима подходитъ.

Но я качала головой и сказала: — Не geh' же я въ матері.., пошли себѣ другую, — и мнѣ хотѣлось умереть отъ тоски и жалости, которыхъ обуровили меня. Лохматый птичка просилась мнѣ въ сыновья. Вотъ такъ улетѣли гуси. Я не думала о томъ, что подозрѣніе можетъ настѣнъ на Вѣрну Гейнѣлло, и была спокойна. Я была спокойна спокойна, и меня не волновали всѣ толки. Но разъ мы менѣ вымыли всѣ толки. И вотъ я съ мамой не обманывала, а только сѣдала мнѣ дѣвьё предложеніе, — и я сѣла съ стола его жена. Она сѣла хлопать себѣ по бокамъ и сѣмѣть, а тѣкъ сердечно говорила ей обмѣнѣ, точно мы торговались, и тогда я достала изъ сумочки подъ платкомъ револьверъ и выстрѣлила ему два раза въ потѣніе лобъ. Все это произошло страшно быстро, я ничего не успѣла сообразить, что я дѣлаю, комната вдругъ словно разнесла, а она осталась сидѣть въ креслѣ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ никто не услышалъ выстрѣловъ, они были страшно громкіе, точно дронготину весь домъ. Я вышла изъ номера, спустилась внизъ, чтобы сказать, что я убила Наума Блюмера, но я не встрѣтила ни одного человѣка. Тогда я открыла дверь и ушла такъ же, какъ и пришла. Меня никто не видѣлъ. И вдругъ я стала думать, какъ сдѣлать такъ, чтобы скрыть всѣ слѣды. О томъ, что я пошѣ къ Блюмеру, знала только Николай, и я у него взяла револьверъ. Если онъ его еще не хватился, я приду къ нему

и скажу, что я раздумала ити къ Блюмеру, что нѣтъ никакихъ гарантій, и осторожно подсуну ему револьверъ назадъ. Такъ я и сѣѣла. Я пришла къ нему и сказала, что раздумала настѣнъ Блюмера, и положила револьверъ обратно на столъ. Мы посидѣли и пили чай, и у меня хватило еще мужества оставаться съ нимъ дальше, какъ будто ничего между нами не произошло. Мамѣ я сказала, что по скып кинематографа попала на вечерницу,

и легла спать. На другой день я никуда не пошла, сидѣла дома, а потому вышла на крыльцо и сѣла на ступеньки. День былъ осенний, прохладный и золотой, и высоко въ небѣ летѣли гуси на югъ. Около меня сѣли двое безпринципныхъ ребятъ, Сенька и Миколка, они оба были какъ репейники, я часто давала имъ хлѣбъ или деньги, и они тер